

Шут и Осень

Автор:

[Маша Моран](#)

Шут и Осень

Маша Моран

Она замужем. И скоро уедет в монастырь. Он – загадочный горбун. Королевский шут, лица которого никто никогда не видел. Она мечтает о страсти и хотя бы одной ночи безумств. Он придумывает развлечения для знати, от которых закипает кровь. У нее есть неделя, чтобы почувствовать себя настоящей женщиной. А у него есть тайна. Которую она узнала... Материалы для обложки взяты со стоков [unsplash](#) и [deposit](#). Обложка от Ирины Северной.

Шут и Осень

Часть I. Сказки дрозда

Давным-давно, когда ещё не было ни тебя, ни меня, воевал Свет с Тьмой. Долго мерялись они силами, придумывали разные уловки, да только не выходило ни у кого победить. И тогда решили они заключить перемирие и всё разделить пополам. Так днём стал править Свет, а ночью – Тьма. Год они тоже решили поделить – Свету достались Весна и Лето, а Тьма забрала себе Осень и Зиму. Так и повелось...

Но однажды решила Тьма посмотреть, как люди живут, что о ней говорят. Было то ранней осенью. Обратилась она в красивую девушку да и пришла в одно королевство. И подслушала Тьма разговор двух служанок о том, как тяжело им жить Зимой, как ненавистны постоянные вьюги да метели и как ждут они жаркого лета. Одна радость – осенью урожай поспекает. Разгневалась Тьма. Убежала она в лес да задумала там недоброе. "Что же, – подумала она, – не

любите вы Зиму? Так власть её будет вечно! И Осени с её плодами вам не видать!"

Только как ей к людям подобраться? Ведь высадили хитрые ворожеи повсюду алую рябину, чтобы зло не пускала. Думала-думала Тьма да придумала.

Пролетал в ту пору мимо неё дрозд. Поймала Тьма чёрную птицу, нашептала заклятья страшные и послала своего союзника вершить дело тёмное. Склевал дрозд красные ягоды, и смогла Тьма проникнуть в королевство. Да вот только смекнули ворожеи, что Тьме дрозд помогает, и решили известить птицу. Сорвали они ветки бузины, что для полётов используют, и зажгли их. Поднялся белый дым вверх, опутал всё вокруг – заплутал дрозд, не видел, куда лететь. Тут-то и поймали ворожеи птицу. Поймали да и заточили в клетку из рябиновых веточек, чтобы не мог злой дрозд выбраться и ягоды клевать. А Тьма осталась без помощника. Появились на рябине новые гроздья, испугалась Тьма красных, словно кровь ягод, да и сгнула.

А дрозда с тех пор боятся и не любят.

Монастырь Бажоркани

В углу кельи паук сплёл паутину. Он давно обосновался в этом тёмном укромном местечке. Каждый день он старательно ткал липкие нити, которых вскоре стало так много, что они больше не напоминали филигрань. Это были клочья, похожие на стелящийся по земле туман. Подует ветер и почудится, будто это какое-то чудовище выбирается из темноты. А может, призрак? Или неуспокоенная душа, что бродит в этих стенах?..

Коварный паук был истинным ценителем красоты. В свои сети он заманивал лишь бабочек. Глупышки надеялись спрятаться в этих местах, а находили лишь свою погибель. Долгую. Мучительную. В темноте и сырости тесной кельи.

Она увидела эту ловушку, когда лежала на жёсткой постели и долго не могла уснуть. Уже начинало светать. И в предрассветном сумраке она разглядела странное яркое пятно. Прямо среди шевелящихся клочьев паутины. Босиком ступая по ледяным каменным плитам, она подошла к этому чудищу, поселившемуся в уголке её нового обиталища. Боязливо запустила пальцы в липкий пыльный плен и ухватила что-то тонкое, нежное...

Бабочка... Такая хрупкая, с помятыми от её пальцев крылышками. Сколько она пробыла в этой смертоносной темнице? Наверное, недолго. Ведь паук ещё не пришёл за ней. Коленям было больно от твёрдого камня, но она забыла про всё, глядя на эту мёртвую пленницу. Её крылья уже покрылась слоем пыли. Но паук ещё не тронул эту красивую оболочку. Она её спасёт. Спрячет от паука. Лишит его добычи. Сохранит её прелесть.

Она будет отбирать у паука всех его ярких неосторожных жертв. Будет высвобождать из плена хрупкие тела и прятать в секретное место. Один день. Одна бабочка. Будет освобождать их от участи быть съеденными, от участи сгинуть в нутре этого монстра. Но не сделает ничего, чтобы уничтожить его ловушку...

За месяц до этого. Кажницкий замок.

Пир Дубовой недели.

Весь люд приносит с собой лучшую снедь, имеющуюся в доме. Садятся они в круг и начинают пировать, угощая первым короля, а потом и друг друга. Вино течёт рекой, и нет ограничения в яствах, ибо это дары великой Осени и принимать их надо с благодарностью. Тот же, кто не явится на пир или же уйдёт с него раньше положенного срока, становится добычей Чёрного Дрозда, и поутру остаётся от него лишь хладное тело.

Она была серой мышью. Скучной и неинтересной. Старая, никому не нужная. Затянутая в корсет, бледная невидимая тень. Веснушки. Они рассыпались по лицу, шее и даже груди. Рыжие вьющиеся волосы. Серо-зелёные глаза. Тусклые и невыразительные. Все её платья были чёрного, серого и коричневого цвета, вышедшими из моды лет десять назад. Но её манеры всегда были идеальны, а голос тих. Репутации могла позавидовать даже монахиня. Тридцать два года... Что она видела за это время? Замуж в семнадцать лет. Её мужу было пятьдесят. В первый раз она увидела своего супруга в день свадьбы. Старый, со злобным выражением лица, он жаловался своему пажу, что его невеста слишком неказиста. А после этого, кряхтя, мучил её тело, чтобы потом выговаривать, что она похожа на бревно. Больше десяти лет жизни она терпела упрёки и оскорбления. Терпела его мокрые губы, глаза навывкате, как у жабы, обшаривающие её тело, вечные оскорбления и упрёки, что не может родить

наследника.

И вот теперь он отсылал её в монастырь. В самый дальний, какой только смог найти. А она даже рада. Наконец всё это закончится. Она станет сначала послушницей, потом монахиней. Будет выполнять поручения и молиться... О чём-нибудь. Там она будет носить грубую рясу и отрежет свои жуткие волосы. Там она состарится и умрёт.

А когда-то она мечтала удивить мужа своим искусным шитьём. Эльжебета вытащила со дна сундука тонкую ночную сорочку с вышитым подолом и рукавами. Там были изображены красивые незабудки. Но она так никогда и не надела эту рубашку. Как только муж увидел её обнажённое тело, покрытое веснушками, тут же скривился и велел больше никогда не снимать грубую сорочку.

Она не забудет это унижение, осознание того, что даже для уродливого старика она непривлекательна.

Ночная рубашка вновь отправилась на дно сундука. А ведь раньше, слушая рассказы подруг, она мечтала поражать мужа своими красивыми соблазнительными корсетами, сорочками и подвязками. Какой же наивной она тогда была. И глупой.

За дверью раздались чьи-то голоса, и Эльжебета быстро захлопнула крышку сундука.

В Кажницком замке ей предстоит пробыть три недели. Если бы не приглашение короля, то она уже давно бы тряслась в карете по пути к Северному кряжу. Но его величество Марк хотел видеть при дворе и графа, и графиню, поэтому Эльжебета сейчас находилась здесь. Как всегда, ей выделили самую бедную комнату, в Северной башне, по соседству с личной прислугой короля. Граф должен был прибыть лишь через неделю, поэтому сейчас она наслаждалась таким желанным одиночеством. Если бы можно было просидеть в этой холодной комнатушке все три недели. Спрятаться под одеялом, чтобы не слышать обидные слова за спиной, злобный шёпот. Но насмешки красавиц – малая плата за семь дней спокойствия. Как и прежде, она будет наряжаться в свои старые платья, носить причёску, которая ещё больше её старит, надевать глупый чепец и делать вид, что ничего не слышит. Ни как её называют уродливой старой

горгульей, ни как издеваются над её проклятыми веснушками. Ничего. Будто она глуха.

Коричневое дорожное платье сменилось серым, больше похожим на одежду служанки. Чепец скрыл длинные рыжие локоны. В старом грязном зеркале отразилась невзрачная маленькая прислужница. Всё правильно. Так и должно быть. Это её судьба. Могло быть и хуже. Вполне возможно, что вскоре её супруг скончается. Он ведь уже так стар. Или его убьют в каком-нибудь сражении. Господи, о чём она думает?! Грех желать такого. Но разве она не может хотя бы мечтать? Слабая призрачная надежда на освобождение.

Эльжебета, графиня Нефележ, втайне даже от самой себя мечтала о другой жизни. Она придумала себе целую историю, как бы всё могло происходить в её жизни. Когда ты лишь серая тень, так легко оставаться незамеченной, так легко наблюдать за другими. Порой даже собственные слуги её не замечали. И Эльжебета научилась этим пользоваться. Она ходила по дому и окрестностям, наблюдала за крестьянами и гостями, подслушивала. Она узнала столько тайн и секретов, сколько не удавалось разузнать самому искусному шпиону. И всё это превращалось в мечты, в грешные фантазии о невозможной жизни.

Ей нравилось представлять себя красивой и соблазнительной, раскованной, даже распутной. Она грезилась о том, как сводит с ума того единственного, предназначенного только ей. Если бы она была хоть капельку похожа на любовницу короля.

Даже на тех задворках, где она жила, слышали об этой женщине, которая словно околдовала монарха. Никто не мог объяснить эту страсть ничем, кроме ворожбы. Одни говорили, что она напоила короля Марка приворотным зельем, другие утверждали, что сотворила древнюю опасную магию на крови. Но какие бы слухи ни ходили, власть этой женщины над королём была неоспорима.

На рассвете, когда Эльжебета только приехала в замок, она увидела женщину, о которой переговаривались все жители королевства. Она стояла во внутреннем дворе и следила за разгрузкой багажа. Эльжебета в жизни не видела столько сундуков. Огромные, с красивой резьбой – они заполнили чуть ли ни большую часть площадки. На удивлённый взгляд Эльжебеты женщина ответила чуть лукавой улыбкой:

– Я постаралась взять только самые необходимые платья и украшения.

В предрассветном сумраке сверкнули таинственным светом длинные серьги с драгоценными камнями, Эльжебета завистливо вздохнула от такой красоты. Она стеснительно улыбнулась, будто извиняясь за отсутствие сундуков и завистливые мысли. У неё такой проблемы не было. Вся одежда умещалась в старый сундук, который смотрелся жалко на фоне своих новых крепких собратьев.

Женщина улыбнулась ещё раз. Порыв ветра откинул назад капюшон, и Эльжебета смогла наконец её разглядеть. Нет, она вовсе не была красавицей. Она могла бы быть обычной крестьянкой. Но было в ней что-то такое, что приковывало к себе взгляд. Тёмно-каштановые волосы завивались блестящими локонами, кожа, кажется, сияла в неясном свете, губы соблазнительно блестели. Длинный плащ из фиолетовой парчи скрывал очертания её фигуры, делая эту женщину ещё более загадочной.

Эльжебета так молча и стояла, пока слуги заносили вещи женщины в замок. Мимо проносили не сундуки – целую жизнь, заманчивую и недоступную. Как бы хотелось и ей быть такой.

За окном громыхнул гром, и Эльжебета вздрогнула, вынырнув из воспоминаний. Хватит. Не нужно об этом думать. У неё есть неделя покоя и одиночества, и она должна насладиться ими сполна. Но когда раскладывала свои вещи, представляла жизнь, которой у неё никогда не будет.

В Кажницком замке все готовились к долгожданному пиру. Озабоченные слуги носились туда-сюда, заполняя столы всевозможными яствами, мужчины начищали оружие, а женщины применяли наряды. Сегодня главный зал замка будет освещать блеск драгоценных камней.

Красивых платьев у Эльжебеты не было, украшений тоже, поэтому в зал она спустилась одной из первых. Там уже разожгли три огромных камина, возле

которых расположились музыканты. Эльжебета не так часто бывала при дворе, но даже ей было понятно, что король намерен праздновать Дубовую неделю с особым размахом.

- Ну, чего вылупилась? Бегом на кухню. Прохлаждается она тут!

Эльжебета не сразу поняла, что эти слова обращены к ней.

- Нет, вы только посмотрите на неё! Ты что, оглохла?

Она удивлённо повернулась к мужчине. Он с такой злобой смотрел на неё, что хотелось спрятаться.

- Я не...

- Что ты там буровишь, глупая девка?

Рядом раздалось женское хихиканье. Эльжебета резко повернула голову: возле входа в личные покои стояли две девушки. Обе они были очень хороши собой и сверкали, кажется, всеми драгоценностями, которые смогли отыскать. Высокая черноволосая красавица уже откровенно смеялась над ней, прикрывая рот ладонью. Приглядевшись, Эльжебета узнала дочь пана Витека – панну Анну.

- Я не служанка. – Это всё, что она смогла произнести. Но её дрожащий голос был так тих, что никто и не обратил внимания.

- А ну быстро на кухню, а иначе навоз за коровами убирать отправишься!

Девушки смеялись уже в открытую. Эльжебета почувствовала, как к глазам подступают слёзы, но вместе с ними в ней закипела такая лютая злоба, что на какое-то мгновение перед глазами потемнело. Ей захотелось броситься на эту идеально красивую куклу и впиться ногтями в её лицо. Нежный тягучий голос заставил Эльжебету прийти в себя:

- Ах, вот вы где, дорогая! Простите мне моё опоздание.

В тёмном мрачном коридоре появилась темноволосая панна. Эльжебета не сразу поняла, что это та самая женщина, с которой они встретились во дворе замка, – любовница короля. Она плавно подошла к Эльжебете и взяла её под руку.

– Я совершенно заблудилась в этом замке. – Она сокрушённо покачала головой.

Развернувшись, женщина буквально потащила Эльжебету за собой. Та только и успела, что бросить взгляд на двух опешивших панночек. Они стояли, потрясённо замерев на месте и приоткрыв рты. Словно во сне, она шла вперёд. Уже не её вели, а она тащила за собой свою нежданную спутницу.

Через пару минут она уже открывала простую деревянную дверь своих покоев. Панна быстро юркнула в комнатушку и уже успела расположиться на кровати, когда Эльжебета вошла.

– Пан Витек бы лучше следил за воспитанием своей дочери, нежели за пивными бочонками в подвалах.

– Как вас зовут? – Эльжебета наконец начала осознавать, что произошло. Она почувствовала, как кровь приливает к щекам. Боже, как же стыдно. Её никогда ещё так не унижали.

– Ох, простите, я так забылась. Леди Иванна Залевская. А вы?..

Эльжебета поняла, что непозволительно отвлеклась. Она совершенно забыла, что не одна в комнате. Более того, на её кровати сейчас сидела самая скандальная женщина во всём королевстве.

– Пани Эльжебета Нефележ. – Эльжебета склонилась перед любовницей короля. – Я... Спасибо. Должна поблагодарить... – Она замолчала, почувствовав новую волну стыда. Рядом с леди Ивановой она чувствовала себя той самой служанкой, за которую её приняли. И этот обидный смех теперь казался единственным, что она заслужила.

– Раз должны поблагодарить, то благодарите. – Иванна вычерчивала пальцем какой-то узор на покрывале. Вдруг она резко подняла голову, и Эльжебета столкнулась с умопомрачительной зеленью глаз. Иванна загадочно

улыбнулась. – Анна слишком много о себе мнит. А вы позволяете ей унижать себя, пани Эльжебета.

– Я не... – Эльжебета хотела возразить, но леди Иванна её перебила:

– Анна – избалованная глупая девчонка, которая верховодит своим отцом и пытается всех заставить делать то, что ей хочется. Но чем вы хуже неё, пани Эльжебета?

– Она так красива...

– Все люди красивы по воле природы. Анна делает всё для своей красоты. А вы...

– Взгляд леди Ивановны сверху вниз прошёлся по Эльжебете. – Ничего. Но я ни за что не поверю, что вы глупее и злее Анны. Но до чего же она самоуверенная. Думает, если Хидежи заставляют на ней жениться, то он принадлежит ей.

Эльжебета вопросительно посмотрела на леди Залевскую, не понимая, о чём она говорит. Но та продолжала самозабвенно рассказывать о незнакомых Эльжебете людях:

– Бедолага, ему так не повезло с невестой! Марк и слушать ничего не желает – всё твердит, что их союз очень выгоден. А я считаю так: если Анна не будет держать язык за зубами, то поплатится за это жизнью. Уж поверьте мне, князь способен на убийство... Ах, ну что-то я разговорилась! – Леди Иванна проворно соскочила с кровати и бросила взгляд в зеркало. – До пира всего лишь два часа, а я даже не начинала готовиться!

Она звонко поцеловала Эльжебету в щёку и махнула рукой.

– Надеюсь, мы с вами подружимся, графиня. – Её глаза засветились лукавством, и не успела Эльжебета вымолвить и слова, как женщина уже удалилась из спальни.

Он войдет, никого не спросив;

Ты полюбишь его не сразу.

С первого взгляда он некрасив,

Со второго – безобразен.

Только речи его горячи,

Только прочь сомнения, прочь.

Самый звонкий крик – тишина,

Самый яркий свет – ночь. ©

В зал ворвалась необычная компания. Впереди ковыляло какое-то странное существо, то ли зверь, то ли человек. С его головы свисал длинный красный колпак, на конце которого болтался колокольчик. С красного же плаща спадали какие-то лоскуты, скользящие за ним по полу. На спине у него был виден огромный горб, и шёл он, волоча за собой левую ногу. Следом за своим уродливым предводителем скакали ряженые, ударяя в бубны и подзадоривая придворных. Когда вся эта шумная процессия достигла помоста, на котором сидел король, горбун вышел вперёд. Он что-то сказал королю и леди Иванне, от чего те громко рассмеялись, а потом зашёл за спину короля и с кряхтением плюхнулся на пол. Его свита с криками и свистом разбежалась по залу, показывая фокусы и выкрикивая шутки.

Это пёстрое сборище безраздельно завладело вниманием всех придворных. Что они только ни вытворяли: и перепрыгивали друг через друга, и отплясывали какие-то дикие танцы, и вытаскивали из-за ушей дам цветы. Но пытались они заслужить одобрение вовсе не короля. Оставаясь для всех не более чем мышью, Эльжебета привыкла наблюдать за людьми. За этой шумной толпой она наблюдала с огромным интересом. И они, одержимые идеей веселья, из кожи вон лезли, чтобы получить кивок шута. А он сидел на полу, привалившись боком к стене, словно ради него все здесь сегодня собрались. Его лицо было скрыто

тенью и свисающим колпаком, но Эльжебета всё равно, до боли в глазах, всматривалась в него. Иногда он поворачивал голову, и тогда на него падали огненные блики. Но и этого было слишком мало.

Совершенно неожиданно он встал с пола и побежал за одним из ряженных. Между ними завязалась какая-то потасовка. Они мутузили друг друга кулаками, выкрикивали шуточные оскорбления, но наконец обрядившемуся в костюм волка удалось содрать колпак с головы шута. И тут началось что-то невообразимое. Сначала скоморохи перекидывали колпак друг другу. Звон бубенчика на его конце пересекался со смехом ряженных. Под одобрительное улюлюканье дворян колпак перелетал из рук в руки. Шут судорожно бросался от одних рук к другим. Хромая, он пытался доковылять до нового владельца своего колпака. Но как только ему это удавалось, кто-нибудь швырял колпак в другой конец зала.

Стоял такой шум, что ничего нельзя было расслышать. Громкие хлопки, подбадривающие крики, возгласы и визги – всё слилось в ужасающую какофонию, от которой хотелось закрыть уши.

Эльжебета оглядывалась по сторонам, пытаясь найти хоть одного человека, который не наслаждался бы происходящим. Она чувствовала себя ужасно. Будто это она сейчас издевается над уродливым горбуном. Ей было так жалко его. Жалко его неуклюжую фигуру. Он метался между столами совершенно молча, только протягивал руки, пытаясь вернуть свой колпак. Вдруг ярко-алым пятном завладела панна Анна. Эльжебета потрясённо смотрела, как она взобралась на стул и высоко подняла руку, зажав в кулаке треугольный кусок ткани. Колокольчик пронзительно звякнул, а Анна громко рассмеялась, когда шут медленно двинулся к ней. Он уже едва шёл. Сгибаясь под тяжестью горба, хромая ещё больше, он проковылял к панне Жбицкой. Теперь их разделял широкий стол. Шут всё так же молча протянул руки к своему колпаку, но Анна начала приплясывать на стуле, приподнимаясь на цыпочки. Бубенчик звенел так жалобно, что Эльжебета едва подавила в себе желание броситься к Анне, стащить её со стула и отобрать этот злосчастный колпак. Она представляла, как Анна позорно падает, как на неё опрокидывается снесь со стола, как... Серебряный колокольчик упал на стол прямо перед Эльжебетой. Почему-то рука дрожала, когда она тянулась к красному лоскуту. Внезапно все голоса смолкли. В абсолютной тишине Эльжебета подняла колпак. На ощупь ткань была грубой, поизносившейся, бубенчик висел на одной нитке. Удивительно, как вообще ещё держится. Надо бы пришить. Палец ласково погладил кривую поверхность. Рядом раздался чей-то смешок, и Эльжебета резко подняла голову, осознав, что

на неё все смотрят. Но из десятков лиц она увидела только лицо горбуна. Он приближался, и Эльжебета наконец смогла разглядеть его. Смуглое лицо его было покрыто тонкими царапинами, едва начинающими заживать. И все царапины были перечёркнуты нарисованными стежками, будто кто-то пытался сшить воедино части лица. Волосы – спутанные космы, покрытые то ли пылью, то ли паутиной. Горб напоминал гору, давящую на неуклюжее тело. Длинный красный плащ волочился по полу, пока это странное убогое существо пыталось приблизиться к Эльжебете. Прошло не более пары секунд, но ей казалось, что время остановилось. Неожиданно шут поднял голову и посмотрел прямо в глаза Эльжебете.

Это был взгляд зверя. Злобного опасного монстра, который набросится на свою жертву при первом удобном случае. Он моргнул, и всё исчезло. На неё умоляюще смотрел горбатый уродец, вокруг слышались шёпот и чей-то тихий смех, в котором всё же звучала издёвка. Шут протянул руку, безмолвно умоляя вернуть колпак. Откуда-то справа раздался крик: "Бросайте мне!", от которого Эльжебета вздрогнула. Бубенчик вторил её движению, и от этого пронзительного звука стало больно ушам. Она молча протянула колпак его владельцу. "Дура". "Испортила всё развлечение". "Уродливая старуха".

Убежать отсюда. Немедленно. Пока она продвигалась к дубовым дверям, слышался смех, кто-то даже показал на неё пальцем. Уже у дверей на её пути возник шут. Он отвесил ей издевательский поклон и рассмеялся. Эльжебета отдернула руку и опустила голову. Этот шёпот слышали все. Все до единого. Наверное, так и есть. Она именно такая. Старая и уродливая. Колокольчик ещё раз звякнул, когда шут вновь подбросил свой колпак в воздух. Им тут же завладел какой-то усатый дворянин, и развлечение продолжилось. Эльжебета не верила своим глазам. Он добровольно отдал свой проклятый колпак, соглашаясь на это унижение. Она быстро покинула зал.

Гроза всё-таки разразилась. Затянутое тучами небо к вечеру пролилось дождём. Он стучал в окна, перекрывая своим шумом тихие всхлипы Эльжебеты. В комнате было темно и холодно. Никто не растопил камин, а одеяло было тонким и старым. Одинокая свеча давно расплавилась. Подушка слушала её плач.

Эльжебета тяжело дышала, слёзы катились из глаз. А потом она и вовсе разрыдалась. Она прятала лицо в подушку, чтобы не слышать собственные всхлипы. А дождь всё шёл. Он, не переставая, бился в стёкла, и её слёзы признали поражение в битве со стихией. В какой-то момент всё закончилось. Она просто лежала в холодной постели и смотрела в окно.

Эльжебета пришла в себя, только когда услышала мерный стук, который отдавался звоном стекла. Она пару раз моргнула и отёрла опухшие глаза. Стук повторился. Медленно она села в кровати, пытаясь понять, что это. Жуткий царапающий скрип прорвался сквозь шум дождя. За окном был дрозд. Своим длинным крепким клювом он стучал в её окно. Стекло жалобно звенело. Плохо, очень плохо увидеть дрозда. Проклятая птица выбрала именно её. Эльжебета отвернулась. Она сделает вид, что не заметила наместника Тьмы. Птица снова ударила по стеклу. Боже! Ноги сами собой опустились на холодный каменный пол. Рубашка сползла, обнажая плечо, волосы спутались и падали на лицо, а она как зачарованная шла к окну. Ржавая рама поддалась не сразу. Металлическая сетка протестующе скрипела, когда Эльжебета дёрнула резную ручку. Неожиданно одна створка распахнулась, и в комнату ворвался порыв холодного ветра. Он принёс с собой дождь, который каплями осел на её лице, волосах, тонкой ткани сорочки. Взмахнув крыльями, дрозд влетел в комнату, бесшумно, словно тень. Эльжебета проследила за полётом птицы и вновь повернулась к окну. Ветер швырял в неё холодные капли, заставляя кожу покрываться мурашками. Влажная ткань уже прилипла к телу, соски заострились от холода. Она дрожала, а чёрная птица внимательно наблюдала за ней с высокого зеркала.

Похищение Осени

В начале сентября в каждой деревне по всему королевству выбиралась самая красивая девушка. Для неё шили платье, достойное самой королевы; плели из цветов венки необычайной красоты с тонкими золотыми нитями, и каждый вечер натирали кожу ароматными маслами.

Чтобы на исходе месяца, когда день равен ночи, она предстала прекрасной Осенью на празднике Дубовой недели. Отводили красавицу глубоко в лес и оставляли посреди поляны, окружённой могучими дубами. А все юноши

отправлялись на её поиски. Вместе же с ними в погоню пускался и Чёрный Дрозд. Ежели он успевал найти Осень первым, то быть зиме лютой и холодной, но ежели кто из юношей опережал его, то значило сие благодать Осеннюю, многообразие её даров и быстрое окончание зимы.

Король был так милостив, что на роль Чёрного Дрозда прислал своего любимого шута. Эта новость вызвала невероятное воодушевление среди жителей деревни – они с ещё большим энтузиазмом принялись готовиться к ритуалу похищения Осени. А вот обитатели замка, напротив, встретили эту весть настороженно. Никому не хотелось на следующий день оказаться мишенью рифмованных колкостей из уст шута о своём недостойном поведении. А то, что этот горбатый калека уследит за каждым представителем знати, никто не сомневался.

Поэтому все, кто намеревался втайне посетить сие крестьянское увеселение, готовились с особой тщательностью. Маски надёжно закрывали лица, а плащи – фигуры. Но великолепие тканей и драгоценных камней кричало о богатстве их обладателей.

Вопреки всем сомнениям и страхам, Эльжебета тоже решила спуститься в деревню. Ей так хотелось посмотреть на диковинное развлечение, почувствовать себя его участницей. Даже в обычной жизни её редко замечали. Что уж говорить о празднике, на котором принято изображать кого-то другого. Ещё днём она раздобыла себе простое платье, какое могла надеть любая деревенская девушка, и плотную маску. Она была украшена лишь маленькими тканевыми листочками. Голову Эльжебета покрывать не стала – просто заплела волосы в свободную косу. Сверху она надела старый плащ, который нашла для неё одна из прислужниц.

По сравнению с другими дамами, надевшими богато украшенные наряды и ажурные маски, она действительно походила на деревенщину. Вряд ли кому-то будет до неё дело, впрочем, как и всегда. А значит, она могла не опасаться того, что её репутация пострадает. Но осознание того, что она поступает неправильно, нарушает все установленные порядки – заставляло Эльжебету кутаться в плащ и вздрагивать от малейшего шороха.

Кое-как она добралась до деревни. Там уже собралась большая часть местных и многие дворяне. Некоторые дамы даже не пытались скрыть, что они пришли из

замка. Они всю смеялись над шутками молодых юношей и участвовали в местных развлечениях: бросали в огонь каштаны, чтобы с помощью старухи-гадалки узнать свою судьбу, танцевали под странную, но завораживающую музыку, плели венки.

Тут же были и ряженые с пира. Они разыгрывали какие-то сценки, собрав подле себя любопытствующую толпу. Вокруг площади зажигали костры для ритуала, расставляли корзины с яблоками, чтобы каждый желающий мог полакомиться, и развешивали на ветках деревьев охранные талисманы.

Наконец откуда-то выбежал юноша в цветастых лохмотьях, взобрался на телегу с сеном и громко возвестил о том, что Осень готова.

А потом появился шут... Он сменил своё красное одеяние на облачение Чёрного Дрозда. Невероятно, но его неуклюжая горбатая фигура и впрямь напоминала ненавистную птицу. Эльжебета не раз видела обряд похищения Осени, но ещё никогда не встречала такого необычного и вместе с тем притягательного Дрозда. Королевскому шуту удалось превратиться в опасную и загадочную птицу и заморозить своим появлением всех присутствующих на главной площади. Он явился, как будто отделившись от ночи – сгусток леса, тьмы и тумана. Весь он был закутан в широкий чёрный плащ. Казалось, его горб – это лишь основание двух крыльев. Шут разводил руки в стороны, взмахивая полами плаща, и будто взлетал над землёй. На его лице была чёрная же полумаска с длинным клювом точь-в-точь как у дрозда. Открытая часть лица была обсыпана блёстками – это перья блестели в лунном свете и всполохах костров. Пальцы были обвязаны длинными лентами, спускающимися до земли – это хищные острые когти, готовые вцепиться в добычу. Он появился на поляне, и начала вершиться магия. Все костры были затушены – Дрозд начал охоту. Он искал Осень. В темноте, когда властвовала только луна, шут, облачённый в Дрозда, подбегал к девушке и, по старому обычаю, задавал лишь один вопрос: "Ты ли Осень?" И всегда юная дева отвечала ему: "Нет". А в это время Избранница-Осень убегала в лес, где её потом будет искать вся деревня.

Со всех сторон слышались девичье хихиканье и кокетливый смех. Эльжебета сама не заметила, как покинула своё место возле ворот. Тихий шёпот и разочарованные женские вздохи просто кричали о том, что все панны не прочь оказаться в объятиях дрозда, и испытывали совсем не радость, когда он их оставлял и отправлялся к очередной "жертве". Эльжебета пыталась оказаться как можно ближе к этому невероятному действию, уже совсем не заботясь о том,

что может быть узнанной. Где же, где опасный дрозд? Почему он вдруг не окажется рядом? Со всех концов слышались томные женские голоса. Неужели они пытались флиртовать с шутком, которого ещё вчера называли уродцем?! Эльжебета замерла. Почему он не может подойти к ней? Чем она хуже остальных? Как же ей хотелось почувствовать свою причастность к этому обряду! Как жаждала она быть частью ритуала. Но более всего ей желанно было ощутить себя в плену Дрозда, в объятиях шута. Озноб пробежал по телу, когда она поняла, о чём думает. Какое ей дело до хромого горбуна, потешающего знать?! Но все мысли исчезли из головы, когда рядом послышался шорох плаща. Вот же он! Совсем рядом. Быть может, подойдёт именно к ней? Но нет, шут решил выбрать себе другую даму. А потом ещё одну, и ещё. Не её. Не её. Другую. Он укрывал своим плащом кого-то другого. Не её. Ну почему же?..

К её спине прижалось твёрдое мужское тело. Воздух, разрезанный крыльями плаща, полосонул по щекам. Её окружили тьма и запах мужчины. Что-то хвойное, что-то резкое, что-то, как дым от костра. Он пах дождём и лесом, и желанным мужчиной. Кровь зашумела в ушах, и стало слышно, как бьётся сердце, пойманное его крыльями. Один, два, три... Это он прижал её к себе так крепко?.. Четыре, пять, шесть, семь... Или она, не удержавшись, сделала шаг назад?.. Восемь, девять... Он должен спросить, задать какой-то вопрос, а она – ответить. Но он молчит. Десять... Боже, хоть бы он опустил руку и прикоснулся к её коже, чтобы она смогла ощутить... Одиннадцать, двенадцать... Его горячее дыхание коснулось щеки. Даже огонь не мог так обжечь. Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... Теперь он опалил её шею. От этого жара забурлила кровь. Кожа раскалилась, внизу живота стало так нестерпимо горячо. Шестнадцать... Пусть опустит руку, пусть задерёт пышные юбки и почувствует, сколь губительна его сила. Пусть он узнает, как кипит её кровь, как истекает она влагой от одного лишь его обжигающего, как огонь, дыхания. Семнадцать... Его пальцы невесомо коснулись её плеча. Проклятый плащ! Как глупа она была, когда закутывалась в него, ведь теперь так жаждет оказаться обнажённой. Наверное, он услышал, как-то понял, потому что тяжёлая ткань соскользнула с её плеча. Сердце до боли сжалось. Восемнадцать. Он обхватил её грудь, и она сжала губы, чтобы не застонать, вцепилась в юбку, чтобы не накрыть его руку и не заставить усилить это давление. Соски болели от жажды его прикосновений. Но мучительнее всего было там, внизу, где всё уже было влажным и горело. Девятнадцать... Он прикоснулся к её волосам, вдохнул их запах. Понравилось ли ему? Кружит ли её аромат ему голову? Он твёрд и непреклонен. Она может лишь прижаться к его груди и потереться об его горячее тело. Что почувствует он, когда она скользнёт вниз и поднимется вверх? Он до боли сильно ещё раз сожмёт её грудь, и она не сможет сдержать стоны. Едва слышно. Только для

него. Его губы оставляют лёгкий поцелуй, почти призрачный. Но от их горячего касания теперь горит клеймо на шее. Двадцать... Он отпустил её и отступил в темноту.

Ушёл, только плащ шуршал по земле. Он украл у неё двадцать ударов сердца. Двадцать ударов, за которые она успела родиться и умереть. Подарил ей двадцать ударов жизни и убил. Когда вновь разгорелись костры, Эльжебета увидела в своей косе незабудку. Он знал.

Охота началась. Все юноши отправились в лес – разыскивать сбежавшую Осень, а девушки остались в деревне танцевать друг с дружкой и гадать, бросая в огонь каштаны и дуя на яблочную кожуру. Эльжебета бродила у границы леса, всматриваясь в радостные девичьи лица. Они были так беззаботны и счастливы, так свободны. А время её свободы стремительно оканчивалось. Чуть больше недели пробудет она в Кажницком замке, а потом отправится в далёкий монастырь доживать свой век в одиночестве и молитвах. Муж больше не будет унижать её и мучить своими прикосновениями, более красивые и молодые панны не будут насмехаться над ней, а сердобольные матери не поставят в пример своим дочерям. Она исчезнет, как будто и не было её вовсе. Только там, в далёкой обители, появится сначала послушница, а потом и монахиня, спокойная и набожная. Вместе с остальными сёстрами она будет изготавливать свечи и целебные настои, молиться и выполнять самую тяжёлую работу. Но это лишь днём. А вот ночью... Ночью никто не сможет запретить ей мечтать. Теперь ей было, что вспомнить. Самое горячее и будоражащее объятие, какое было в её жизни. Лёжа на неудобной кровати, она будет грезить. А когда памяти больше нечем будет её утешить, Эльжебета будет придумывать. Её воображение, отпущенное на волю, не позволит всему закончиться вот так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/moran_masha/shut-i-osen

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)